

Н.Г. Митина

ТЕМА ЛЮБВИ В РУССКИХ ФИЛОСОФСКИХ УТОПИЯХ 1920–1930-х гг. (А. ПЛАТОНОВ И С. КАЛАЧОВ)

Рассматривается роль чувств в формировании общества будущего на примере двух концепций, созданных в первой половине XX в. в России – проектах А. Платонова и С. Калачова, которые можно отнести к философии любви. Обращается внимание на внимание к проблеме пола и чувственному аспекту в утопических проектах данного периода. Определено, что рассматриваемые концепции отражают особенности эпохи, их создавшей, предлагают свое решение проблемы взаимоотношения полов и раскрывают значение любви.

Ключевые слова: утопия; проект; любовь; взаимоотношения полов; целомудрие; эрос; жизнемудрие; эротика.

После революционных событий 1917 г. в России начинаются грандиозные перемены, связанные со сменой ценностных ориентиров, попыток реализации проектов переустройства общества. Чувство свободы распространяется на все сферы жизни общества. По мнению М. Эпштейна, это время, когда происходит пересечение социальной и сексуальной параллели, идеология и порнография предстают как «две формы ментальности: “идео” и “порно”» [1. С. 396–397]. Это время, когда многим кажется возможным реализовать самые смелые идеи, что приводит к появлению новых проектов светлого будущего. Остановимся на двух концепциях, относящихся к философии пола, любви, – это утопии А. Платонова и С. Калачова. Каждая имеет свою специфику и одновременно в них есть черты сходства, отражающие особенности эпохи, ставшей причиной их появления. Например, А. Платонов меняет свое отношение к чувству любви, взаимоотношению полов на протяжении жизни: если в первый период, захваченный грандиозными изменениями в стране, он близок к идеям технократизма и символизма, то в 1930-е гг., постепенно, его отношение начинает меняться под влиянием происходящих в стране изменений. Напротив, в творчестве С. Калачова таких трансформаций не происходит, и вопросы взаимоотношения полов, их роль в жизни общества остаются ключевыми, он придерживается своей концепции и развивает ее на протяжении всей жизни.

В утопии А. Платонова 1920-х гг. особая роль отводится машине, которая становится живым организмом. Философ сопоставляет женщину и машину между собой, что отражает особенности культуры авангарда, где, отмечает В. Подорога, машина является символом «*новой высшей Реальности, заместившей собой старую, – реальность Природы*», это «*обесчеловеченная*» Природа, ставшая самым бытием [2. С. 242–243]. Машина, как символ гештальта рабочего (Э. Юнгер) [3], становится для А. Платонова, как создателя марксистского проекта будущего общества, символом нового рационального мира и отказа от всего чувственного [4. С. 152]. М.Я. Геллер подчеркивает, что у А. Платонова «страсть к науке и страсть к женщине ощущаются идентично» [5. С. 71].

Философ создает царство духа, где должна быть уничтожена плотская любовь. Этому вопросу он касается во многих своих произведениях, где останавливается на том, какую роль целомудрие сыграет в об-

ществе будущего. Он подчеркивает, что любая цивилизация – это «последствие целомудрия», которое сохраняет силы на производство потомства, труд и созидание нового. Однако если раньше целомудрие было недостаточным, то теперь «наступило время совершенно целомудренного человека», человека, который создаст великую цивилизацию, «вечность превратит в силу и переживет и землю, и само время» [6. С. 99–112]. Платонов неоднократно заявляет о необходимости изгнания полового инстинкта, проповедует идеалы аскетизма в новом обществе, где необходимо будет победить женщину – пол, «родить в себе новую душу – пламенную победившую мысль», которая «будет невестой человеку» [7. С. 519–521]. Он предлагает способы регуляции сферы пола, ставшие возможным благодаря техническому прогрессу [8. С. 138–150]. Целомудрие мужчин и девственность женщин, таким образом, должны стать нормой в будущем, а пол и семья рассматриваются как препятствие на пути строительства коммунизма. Философ рассматривает пол как препятствие на пути строительства светлого будущего, как нечто, требующее сил, трата которых не рациональна.

В допролетарский период, указывает философ, сущностью человека был пол, и культура была приспособлена к полу, врагом которого была смерть. Революция стала толчком возрождению человечества, культура пролетариата – это господство сознания, культура определяется сознанием, «сознание станет душой пролетариата», как душой буржуазии был пол. Врагом становится Тайна, стоящая на пути к Истине, сущности и душе сознания. Будущее для А. Платонова – это завоевание Истины, «источника вечного и последнего нашего блага» [9. С. 25–30]. Таковы взгляды философа на развитие человечества, и они находят отражение в его концепции будущего общества.

В созданной А. Платоновым утопии разум заменяет чувства, а творческий потенциал направлен на создание нового общества, и проводником в будущее будет духовная невеста (Каспийская невеста) – «первая сестра и миру всему и человеку в одно время» [10. С. 370]. Невеста – это невозможное, «к невозможному летят наши души» [11. С. 534]. Следовательно, философ стремится создать царство духа, преодолев плотские чувства.

Отсюда и отношение А. Платонова к женщине и женскому как чуждому новому обществу, ущербному,

что прослеживается во многих ранних произведениях философа («женщина – путь и средство, сын ее – цель и смысл пути») [12; 13. С. 262; 14. С. 547]. В то время как мужчина выступает у него как полноценный человек, перед которым поставлена задача создания нового общества и нового человека, страсть-пол должен быть уничтожен сознанием, «не женщина – пол со своей красотой-обманом, а мысль будет невестой человеку» [7. С. 519]. Любовь противопоставляется сексу, и для А. Платонова отсутствие любви в отношениях между полами является символом буржуазных сексуальных потребностей. Однако идеал аскетизма, являющийся одним из основных принципов социального проекта, может нарушаться природной составляющей пола. Для сохранения аскетического идеала философ допускает в новом обществе присутствие только женщин «без увлекательности», «елеле», женщин-сподвижниц, отказывающихся от любви и семьи, и «будущих супругов», доставленных маршевым порядком [13. С. 152–232]. Таким образом, женщина в этом случае имеет в новом обществе второстепенное значение.

Но вместе с этим мы видим мысли философа о значении женщины в мире, где женщина и мужчина выступают как «два лица одного существа – человека», и связующим звеном в этих отношениях выступает ребенок. А. Платонов определяет роль женщины-матери, способной победить смерть, подготовит «искупление вселенной», но совершит «это искупление ее дитя, рожденное совестью мира и кровью материнского сердца». Он определяет будущее человечества как царство сына, искупившего мир и себя [15]. Таким образом, в «Душе мира» философ, основываясь на христианском учении, раскрывает назначение женщины – рождение нового человека, который выступит Спасителем будущего мира.

Одновременно А. Платонов предлагает идеал женщины будущего, представленный в образе Розы Люксембург – это образованная женщина, женщина с большой буквы, имеющая «особое искусство личности», «вроде коммунизма» и отношения с ней духовные, а не плотские, это платоническая любовь. Образ Розы воспринимается им как продолжение матери [13. С. 196, 366]. В этом, по мнению философа, заключается сущность подлинной женщины, достигающей у него религиозного образа Богородицы и, соответственно, обладающей ее чертами – материнская добродетель и аскетизм плоти, что было отмечено выше в более ранних произведениях философа [15]. И второй тип женщины – это «женщина для безотцовщины», женщина для всех [13. С. 259–263], противопоставленная Святой. В «Чевенгуре» это противопоставление двух полюсов женского отмечено философom и свидетельствует о наличии двух противоположностей, каждая из которых выполняет свою роль по отношению к мужчине. С одной стороны, женщина может сподвигнуть мужчину на творчество, а с другой – чувства ослабляют мужчину и он лишается способности творить. Это двойственная природа женщины, отмеченная А. Платоновым, становится силой, способной изменить мир, отсюда и постепенное изменение отношения к женскому, природно-

му/чувственному, которое наблюдается в «Чевенгуре», где пробуждается эта могучая сила любви, разрушающая сам Чевенгур.

В последующий период философ приходит к выводу, что уничтожение чувственности, женского, на котором он настаивал ранее, может привести к гибели не только коммунистическую идею, но и весь мир. В «Техническом романе» он отмечает роль «организационной остужающей дисциплины», изуродовавшей свежую творческую энергию жизни – «душу» и указывает на неприкосновенность земного шара [16. С. 29]. В «Эфирном трактате» подчеркивает, что насилие над природой даже «в интересах целого мира» – преступление, природа «глубже, больше, мудрее и разноцветней всех людей». Теперь для А. Платонова наука становится страстью познания мира и сравнивается с любовью: «Наука стала жизненной физиологической страстью, такой же неизбежной у человека, как пол» [17. С. 175, 209–210]. Происходит изменение отношения к чувствам, противопоставление чувств и сознания [18. С. 39–40; 13. С. 135; 19. С. 421–422], что свидетельствует об изменении отношения философа к природному, чувственному аспекту в человеческих отношениях. Например, в «Ювенильном море» [20] впервые, как отмечает М.Я. Геллер, А. Платонов заменяет дружбу мужчин на дружбу между мужчиной и женщиной, и эта дружба выступает одновременно и любовью [5. С. 308]. В Записных книжках он прямо указывает: «Всякая мысль, всякое интеллектуальное движение без своего эквивалента и отображения в чувстве, усиливающего мысль в квадрате, есть ложь и нечестность» [21. С. 44]. Любовь, таким образом, должна стать в новом обществе способом познания бытия, что делает возможным установление гармонии между чувством любви и идеями коммунизма.

В «Счастливой Москве» философ далее раскрывает противостояние чувств и ума, природного и рационального. Здесь любовь приобретает особое значение, счастье зависит «не от сознания, а от сердечной силы и здоровья», природному началу отводится особая роль, а женский образ выступает символом «женственной человечности» [22. С. 18–19]. От любви, сподвигающей творца к созиданию нового общества, он переходит к любви чувственной – «почувствовал свое тоскующее, опустевшее сердце»; любви к женщине: «теперь эта природа сомкнулась... в одно тело». Созидатель-творец понимает, что «самое лучшее чувство состоит в освоении другого человека, в разделении тягости и счастья второй, незнакомой жизни» и «любить наверное надо». Здесь он уже утверждает, что «любовь не может быть коммунизмом» [22. С. 36, 48, 52–53]. Таким образом, А. Платонов осознает значимость природного чувственного начала в развитии нового общества.

Эти выводы философа находят продолжение и в других его произведениях, где подчеркивается необходимость в другом – «почувствовал... поспешное биеение ее сердца... убедился теперь, что помощь к нему придет лишь от другого человека» [23. С. 115]; желание любви не к будущему, а настоящему, земному, где – «благородная мечта... превращалась в насла-

ждение, точно сразу же осуществляясь» [24. С. 146–147]. В последних заметках в Записных книжках он делает вывод: «Любовь есть соединение любимого человека основными и искреннейшими идеями – осуществление через него (любимого – любимую) своего смысла жизни» [21. С. 44]. Любовь приобретает у А. Платонова особое значение – она выступает связующим и созидающим началом, с помощью которого человек связан с миром и которое способно преобразовать не только человека, но и весь мир в целом. Мы видим, что концепция любви А. Платонова во многом совпадает с точкой зрения А. Коллонтай, которая уделяла много внимания роли чувства любви в создаваемом коммунистическом обществе: «Без любви человечество почувствовало бы себя обокраденным, обделенным, нищим. Нет никакого сомнения, что любовь станет культом будущего человечества» [25. С. 45].

В основе второй концепции также лежит чувственный аспект. Произведения С. Калачова стали известны благодаря публикации М. Эпштейна и И. Шевелева в журнале «Звезда», но это лишь малая часть его трудов, которые авторы публикации относят к эротическому направлению, распространенному среди писателей 1920–1930-х гг. [26]. Необходимо отметить, что к эротическому направлению можно отнести и творчество А. Платонова, о котором шла речь выше, и отдельных представителей марксизма – знаменитый «крылатый эрос» А. Коллонтай [27]. С. Калачов вводит свое понятие в новую литературу, это понятие «эроики» – синтез героики и эротизма, формируя свою концепцию взаимоотношения полов в будущем новом обществе.

В проекте С. Калачова представлены основы «мыслеплотского» мировоззрения или, как определяют авторы публикации, «марксистского раблезианства» [26. С. 228–229, 247]. Философ предпринимает попытку раскрыть взаимоотношения полов через особенности мужского и женского восприятия. Так, в повести «Из угла в угол» повествование ведется от лица мужчины и женщины, что позволило выявить эту специфику: более свободный, раскрепощенный взгляд мужчины и более закрытый женский. Например, для мужчины символом будущего, идеалом коммунизма выступает «полная женская грудь, неуместная в мужские ладони», одновременно выступающая мечтой о слиянии людей в любви. С. Калачов, как и А. Платонов, указывает на энергию любви, которой делятся пролетарии, обретая постепенно умение управлять страстью, тогда это и будет настоящая любовь, и масштабы ее огромны. Если мужчина отмечает, что главное орудие любви голова, разум и большевики не должны стесняться своего тела, так как «все тело – лицо». То женщина, наоборот, отрицает свое тело и восхищается телом мужчины, одновременно выступая «за счастье освобожденной любви», и подчеркивая, как и мужчина, что стыд является буржуазным пережитком и «наш человек должен весь наружу открыться перед товарищами» [28]. Следовательно, концепция С. Калачова и А. Платонова имеет определенные точки соприкосновения, характерные для утопий этого периода. Это и связь техники и человека, их

слияние во имя светлого будущего, противопоставление разума и чувств, попытки создания нового языка в новом обществе.

С. Калачов считает, что настоящий коммунист должен стать сверхчеловеком, для которого не действуют принятые нормы. И в решении этой задачи мужчина стремится к постижению истины, а не к чувственному наслаждению [29], что отмечает в своих произведениях и А. Платонов [24]. С. Калачов останавливается на связи электричества и любви, подчеркивая, что любовь является «абсолютным проводником», ее надо «свести к математическим функциям», а «страсти можно копить в себе, как электричество». Он утверждает, что «вслед за инженерами должны идти армии любовников, готовя мир к решающим изменениям» [30; 31. С. 236–238]. Подобные идеи мы находим и у А. Платонова в его повести «Эфирный тракт» или рассказе «Потомки солнца» [17, 18]. Но в отличие от А. Платонова С. Калачов выступает против девственности, считая это обособлением от общества, и, следовательно, за девство надо раскулачивать [32]. Таким образом, будущее для С. Калачова, в отличие от А. Платонова, должно привести к раскрепощению чувств, познанию настоящей свободной любви, в которой раскроется натура каждого пола.

Несмотря на присутствие отдельных черт технократизма и рациональности в этом проекте, например сравнение любви с кузнечным молотом, куящим мужчину, а мужчину куящим женщину, использование понятия «любовный тейлоризм», С. Калачов не отрицает значение чувств в новом обществе и отмечает возникновение новой любви, способной переделать человека, любви вселенской, космической, коммунистической любви, которая «пропагандирует себя, освещая, как прожектор, будущее». И в этом процессе создания новой любви, по мнению философа, существует средство не допустить превращения любви в буржуазный разврат – это революция: «Если удастся любовь, то и армия будет не нужна». Эта новая любовь может разжечь мировой пожар, когда из огонька любви каждого человека постепенно разгорается любовь вселенной, и она очищает лучше огня [31]. Уже в своих ранних произведениях он отводит особую роль чувству любви в обществе будущего, подчеркивает ее созидательные силы и, в отличие от А. Платонова, не отрицает значение плотских отношений между мужчиной и женщиной, более того, подчеркивает необходимость наличия другого в этих отношениях. В этом он близок к трактовке любви в новом обществе у А. Коллонтай, которая дает ей такую характеристику: «В этом новом, коллективистическом по духу и эмоциям обществе, на фоне радостного единения и товарищеского общения всех членов трудового творческого коллектива Эрос займет почетное место как переживание, приумножающее человеческую радость... В этом новом мире признанная, нормальная и желательная форма общения полов будет, вероятно, покоиться на здоровом, свободном, естественном (без извращений и излишеств) влечении полов, на “преображенном Эросе”... Окрепнет уважение к личности другого, умение считаться с чужими нравами, разовьется взаимная душевная чуткость, вырастет стрем-

ление выявлять любовь не только в поцелуях и объятиях, но и в слитности действия, в единстве воли, в совместном творчестве» [27. С. 128–129].

К сожалению, до нас не дошел роман-эпопея 1930-х гг. «Любомор», утраченный в годы войны, где С. Калачов развивает тему любви и ее связь со смертью. Но особый интерес представляют более поздние произведения, его заметки по «жизнемудрию» (не относящиеся к периоду нашего исследования), в них он уделяет внимание вопросу взаимоотношения полов, продолжая тему телесности, подчеркивая значение низвержения патриархата и значение женщины в обществе будущего, где мужчина должен «женствовать». Здесь раскрывается тема женского и женственности, подчеркивается значение женщины в «межтелесном рае», где возрастает значение чувств, а любовь представляет «отстранение/воскрешение тела». Он подчеркивает, что «нужны две любви, чтобы одной острять и делать более ощутимой другую». С. Калачов приходит к выводу, что в 1920-е гг. строители нового общества не использовали возможности этого времени и «убили» чувства, сделав учение К. Маркса сухим, безжизненным, безжалостным «к природе и плоти», а не придав ему чувственную теплоту. В то время как в концепции С. Калачова, отмечает М. Эпштейн, присутствует «ощущение бесконечно живого, родного» [1. С. 378].

Он отмечает необходимость стать «единым общественным телом» и обращается к теме андрогина, что связывает его с философией Серебряного века. О. Матич, исследуя эротическую утопию данного периода, отмечает, что андрогин, как искусственный пол, «обитающий вне органического целого и вне истории... выступал одновременно в роли эстетизированного фетиша и единого пола, который восстанавливает целое и обеспечивает тело бессмертием после конца природы и истории» [33. С. 24], что характерно и для концепции философа. С. Калачов указывает, что через слияние мужчины и женщины в андрогина человечество реализует «мечту о том, чтобы все общество, а в перспективе и все человечество, стало одним телом. Это и есть настоящий коммунизм». Задача – прийти к «совместной телесной жизни», и коммунистическая чувственность «нас объединит с собой и друг с другом» [34].

Таким образом, жизнемудрие С. Калачова выстраивается в концепцию любви, философию любви, ко-

торая, по его мнению, начинала реализовываться в свободной стихии революционных событий, но была утрачена, и, как результат, коммунизм потерял свою жизненную наполненность, энергию.

В целом можно отметить, что рассмотренные концепции очень ярко демонстрируют характерные черты эпохи, в них любовь становится обретением «человеком полной меры себя», путем к бессмертию, способностью индивида «стать всем для другого» [1. С. 11, 209]. Однако, как указывает М.Я. Геллер, в 1930-е гг. А. Платонов уже понял, «что утопия, в которой душа уничтожается, победила утопию, мечтавшую о братских отношениях людей с возрожденной душой» [5. С. 125]. А. Дугин, исследуя утопию А. Платонова, обращается к характеристике пола и любви в России и приходит к выводу: «Революционный большевистский пол обнажает затаенную и противоразумную почву полового вопроса... Это особый, бесстыдный и аскетический, децентрированный и вынесенный в вопросительное безумие, не раскладывающийся на составляющие комплексы, пол. Таким полом обладают, видимо, ангелы». По его мнению, этот пол требует «искусного обратного ввержения вовнутрь, в исходную матрицу, томительно ожидает засовывания в причинное, цельное, солнечно-антикапиталистическое, обобществленное, вечное время» [35. С. 7]. Следовательно, послереволюционные утопии, как и большевистская утопия, обнажают существование в России проблемы взаимоотношения полов и предлагают свои пути ее решения, обращаясь к чувственным аспектам пола, где особая роль отводится любви.

Однако предлагаемые в данных проектах способы решения остаются не реализованными утопиями. Эти яркие примеры свободомыслия быстро пресекаются властью. Государство, взявшее на себя заботу о своих гражданах, мужчинах и женщинах, одновременно присваивает себе и право контроля над их жизнью. Фактически в условиях тотального господства государства был установлен запрет на право быть полом. Патерналистская политика формировала свой тип женщины, освобожденной сверху, и тип мужчины, лишенного отцовской власти, которую на себя брало государство. Это исключало наличие индивидуальности, необходимой для реализации свободы отношений и решения проблемы пола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эпштейн М. Любовь. М. : РИПОЛ классик, 2018. 568 с.
2. Подорога В.А. Книга четвертая. Евнух души // Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы : в 2 т. Т. 2, ч. 1: Идея произведения. Experimentum crucis в литературе XX века. А. Белый, А. Платонов, группа Обэриу. М. : Культурная революция, 2011. С. 239–421.
3. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт // Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб. : Наука, 2000. С. 55–440.
4. Митина Н.Г. Дискурс будущего в русской социокультурной утопии. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2014. 240 с.
5. Геллер М.Я. Андрей Платонов в поисках счастья. 2-е изд. М. : МИК, 2000. 432 с.
6. Платонов А.П. Родоначальники нации, или Беспокойные происшествия // Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения / вступ. ст. А. Битова ; под ред. Н.М. Мылыгиной. Собр. соч. Т. 1. М. : Время, 2011. С. 99–112.
7. Платонов А.П. Но одна душа у человека // Собр. соч. : в 3 т. М. : Сов. Россия, 1985. Т. 3. С. 519–521.
8. Платонов А.П. Антисексус // Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения / вступ. ст. А. Битова ; под ред. Н.М. Мылыгиной. Собр. соч. Т. 1. М. : Время, 2011. С. 138–150.
9. Платонов А.П. Культура пролетариата // Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / сост., ком. Н.В. Корниенко, подгот. текста Н.Н. Корниенко и Е.В. Антоновой. Собр. соч. Т. 8. М. : Время, 2011. С. 17–30.
10. Платонов А.П. Рассказ о многих интересных вещах // Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения / вступ. статья А. Битова ; под ред. Н.М. Мылыгиной. Собр. соч. Т. 1. М. : Время, 2011. С. 347–398.

11. Платонов А.П. Из писем к жене // Собр. соч. : в 3 т. М. : Сов. Россия, 1985. Т. 3. С. 531–540.
12. Платонов А. Питомник нового человека // Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / сост., коммент. Н.В. Корниенко; подгот. текста Н.Н. Корниенко и Е.В. Антоновой. Собр. соч. Т. 8. М. : Время, 2011. С. 633–640.
13. Платонов А.П. Чевенгур: Роман. М. : Сов. Россия, 1989. 384 с.
14. Платонов А.П. «Труд есть совесть». Из записных книжек разных лет // Собр. соч. : в 3 т. М. : Сов. Россия, 1985. Т. 3. С. 541–550.
15. Платонов А. Душа мира // Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / сост., комментарии Н.В. Корниенко ; подготовка текста Н.Н. Корниенко и Е.В. Антоновой. Собр. соч. Т. 8. М. : Время, 2011. С. 595–597.
16. Платонов А. Технический роман. Серия: Библиотека «Огонёк». № 28. М. : Правда, 1991. 48 с.
17. Платонов А.П. Эфирный тракт // Собр. соч. : в 3 т. М. : Сов. Россия, 1984. Т. 1. С. 151–220.
18. Платонов А.П. Потомки солнца (Фантазии) // Собр. соч. : в 3 т. М. : Сов. Россия, 1984. Т. 1. С. 32–40.
19. Платонов А. Котлован // Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть / под ред. Н. М. Малыгиной. Собр. соч. Т. 2. М. : Время, 2011. С. 411–534.
20. Платонов А. Ювенильное море. Море юности // Эфирный тракт: Повести 1920-х – начала 1930-х годов / под ред. Н.М. Малыгиной. Собр. соч. Т. 4. М. : Время, 2011. С. 351–432.
21. Платонов А. Деревянное растение. Из записных книжек. Серия: Библиотека «Огонёк». № 16. М. : Правда, 1990 г. 48 с.
22. Платонов А. Счастливая Москва // Счастливая Москва: Роман, повесть, рассказы / сост., подгот. текста, коммент. Н.В. Корниенко. Собр. соч. Т. 4. М. : Время, 2011. С. 9–110.
23. Платонов А.П. Джан // Собр. соч. : в 3 т. М. : Сов. Россия, 1984. Т. 2. С. 7–115.
24. Платонов А.П. Фро // Собр. соч. : в 3 т. М. : Сов. Россия, 1984. Т. 2. С. 128–148.
25. Коллонтай А. Любовь и новая мораль // Новая мораль и рабочий класс. М. : Изд-во Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Р., К. и К. Депутатов, 1919. С. 36–47.
26. Эпштейн М., Шевелев И. Корпус Х. Эротическая утопия Степана Калачова // Звезда. 2015. № 7. С. 227–247.
27. Коллонтай А.М. Дорогу крылатому эросу! (Письмо к трудящейся молодежи) // К. Цеткин, А. Коллонтай. Чего хотят женщины? М. : Алгоритм, 2014. С. 115–130. URL: https://www.litres.ru/aleksandra-kollontay/chego-hotyat-zhenschiny/?track=from_all_books_my (дата обращения: 13.06.20).
28. Калачов С. Из угла в угол // Звезда. 2015. № 7. С. 230–232.
29. Калачов С. На Пасху // Звезда. 2015. № 7. С. 233.
30. Калачов С. Любовь и электричество // Звезда. 2015. № 7. С. 233–234.
31. Калачов С. Любовь и время. Из дневников и заметок 1920–1930 гг. // Звезда. 2015. № 7. С. 236–240.
32. Калачов С. Раскулаченное девство // Звезда. 2015. № 7. С. 236.
33. Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России / авторизованный пер. с англ. Е. Островской. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 400 с.
34. Калачов С. Жизнеумудрие. Из заметок 1950–1960-х гг. // Звезда. 2015. № 7. С. 240–243.
35. Дугин А.Г. Магический большевизм Андрея Платонова // Русская Вещь. 1999. URL: <http://arcto.ru/article/214> (дата обращения: 29.06.2020). 8 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 2 июня 2021 г.

The Theme of Love in Russian Philosophical Utopias of the 1920s and 1930s (Andrei Platonov and Stepan Kalachov)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 69–74.

DOI: 10.17223/15617793/468/8

Natalya G. Mitina, Far Eastern State Institute of Arts (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: Millkonf@yandex.ru

Keywords: utopia; project; love; gender relations; chastity; Eros; life wisdom; *eroica*.

The article discusses the role of feelings in shaping the society of the future using two concepts created in the 1920s and 1930s in Russia. These are the projects of Andrei Platonov and Stepan Kalachov, which can be attributed to the philosophy of love. The concepts reflect the features of the post-revolutionary era and are linked to the transformation of the period. Despite some similarities between the projects, each has its own characteristics. Platonov's conception is characterized by a transformation we witness at the end of the 1930s, which was connected with the change of the philosopher's attitude to the development of society and the relationship between the sexes, and was due to the construction of communism in the country and the methods used for this purpose. There is no such change in the utopia of Kalachov's *eroica*, and the basic precepts laid down in the 1920s continue to evolve further into the concept of life wisdom. The first period in Platonov's work is connected with the ideas of technocracy and asceticism in the relationship between the sexes. In this regard, the sensual aspect is suppressed and destroyed as an impediment to the grand transformation of society; hence the new techniques of destroying sexual instinct, preaching chastity. In the society to be created, the mind suppresses feelings, which determines the attitude to the woman and the feminine that become of secondary importance. Gradually, the philosopher becomes disillusioned with the ongoing transformations of the Bolsheviks, and his attitude towards women and feelings changes. Kalachov's *eroica* conception refers to erotic utopia and represents the synthesis of eroticism and heroics of the era. Kalachov reveals the sensual and bodily aspect of the society of the future. He has the ideas of technocracy, which relates him to Platonov's conception. However, Kalachov does not abandon feelings in the new society, and the theme of love is central to him. Some features of the conception echo the views of some members of the Marxist ideology (Alexandra Kollontai), but generally do not reflect the views of the official authorities. Both projects reflect the characteristics of the era that created them, offer a solution to the problem of gender relations, and reveal the importance of love in society. Love in these projects is a transformative beginning that can change the human being and society, and lead the world to universal harmony. However, in the context of the communist project, in which the spirit of freedom of the first post-revolutionary years was destroyed, they could not be realized and remained utopias.

REFERENCES

1. Epshteyn, M. (2018) *Lyubov'* [Love]. Moscow: RIPOL klassik.
2. Podoroga, V.A. (2011) *Mimesis. Materialy po analiticheskoy antropologii literatury: v 2 t.* [Mimesis. Materials on the analytical anthropology of literature: in 2 volumes]. Vol. 2 (1). Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. pp. 239–421.
3. Jünger, E. (2000b) *Rabochiy. Gospodstvo i geshal't; Total'naya mobilizatsiya; O boli* [Worker. Domination and gestalt; Total mobilization; About Pain]. Translated from German by A.V. Mikhaylovsky. St. Petersburg: Nauka. pp. 55–440.
4. Mitina, N.G. (2014) *Diskurs budushchego v russkoy sotsiokul'turnoy utopii* [Discourse of the future in Russian sociocultural utopia]. Vladivostok: Vladivostok State University of Economics and Service.
5. Geller, M.Ya. (2000) *Andrey Platonov v poiskakh schast'ya* [Andrey Platonov in search of happiness]. 2nd ed. Moscow: MIK.

6. Platonov, A.P. (2011) Rodonachal'niki natsii, ili Bespokoynye proisshestviya [The founders of the nation, or Troubled incidents]. In: Malygina, N.M. (ed.) *Sobr. soch.* [Collected works]. Vol. 1. Moscow: Vremya. pp. 99–112.
7. Platonov, A.P. (1985) No odna dusha u cheloveka [But man has one soul]. In: Chalmayev, V.A. (ed.) *Sobr. soch.: v 3 t.* [Collected works: in 3 volumes]. Vol. 3. Moscow: Sov. Rossiya. pp. 519–521.
8. Platonov, A.P. (2011) Antiseksus [Antisexual]. In: Malygina, N.M. (ed.) *Sobr. soch.* [Collected works]. Vol. 1. Moscow: Vremya. pp. 138–150.
9. Platonov, A.P. (2011) Kul'tura proletariata [The culture of the proletariat]. In: Kornienko, N.N. (ed.) *Sobr. soch.* [Collected works]. Vol. 8. Moscow: Vremya. pp. 17–30.
10. Platonov, A.P. (2011) Rasskaz o mnogikh interesnykh veshchakh [A story about many interesting things]. In: Malygina, N.M. (ed.) *Sobr. soch.* [Collected works]. Vol. 1. Moscow: Vremya. pp. 347–398.
11. Platonov, A.P. (1985) Iz pisem k zhene [From letters to the wife]. In: Chalmayev, V.A. (ed.) *Sobr. soch.: v 3 t.* [Collected works: in 3 volumes]. Vol. 3. Moscow: Sov. Rossiya. pp. 531–540.
12. Platonov, A. (2011) Pitomnik novogo cheloveka [Nursery of a new person]. In: Kornienko, N.N. (ed.) *Sobr. soch.* [Collected works]. Vol. 8. Moscow: Vremya. pp. 633–640.
13. Platonov, A.P. (1989) *Chevengur: Roman* [Chevengur: A novel]. Moscow: Sov. Rossiya.
14. Platonov, A.P. (1985) “Trud est' sovest'”. Iz zapisnykh knizhek raznykh let [“Labor is conscience”. From notebooks of different years]. In: Chalmayev, V.A. (ed.) *Sobr. soch.: v 3 t.* [Collected works: in 3 volumes]. Vol. 3. Moscow: Sov. Rossiya. pp. 541–550.
15. Platonov, A. (2011) Dusha mira [Soul of the World]. In: Kornienko, N.N. (ed.) *Sobr. soch.* [Collected works]. Vol. 8. Moscow: Vremya. pp. 595–597.
16. Platonov, A. (1991) *Tekhnicheskii roman. Seriya: Biblioteka “Ogonek”. № 28* [Technical novel: Ogonyok Library Series. No. 28]. Moscow: Pravda.
17. Platonov, A.P. (1984) Efirnyy trakt [Etheric tract]. In: Chalmayev, V.A. (ed.) *Sobr. soch.: v 3 t.* [Collected works: in 3 volumes]. Vol. 1. Moscow: Sov. Rossiya. pp. 151–220.
18. Platonov, A.P. (1984) Potomki solntsa (Fantazii) [Descendants of the Sun (Fantasy)]. In: Chalmayev, V.A. (ed.) *Sobr. soch.: v 3 t.* [Collected works: in 3 volumes]. Vol. 1. Moscow: Sov. Rossiya. pp. 32–40.
19. Platonov, A. (2011) Kotlovan [The Foundation Pit]. In: Malygina, N.M. (ed.) *Sobr. soch.* [Collected works]. Vol. 2. Moscow: Vremya. pp. 411–534.
20. Platonov, A. (2011) Yuvenil'noe more. More yunosti [Juvenile Sea. The sea of youth]. In: Malygina, N.M. (ed.) *Sobr. soch.* [Collected works]. Vol. 4. Moscow: Vremya. pp. 351–432.
21. Platonov, A. (1990) *Derevyannoe rastenie. Iz zapisnykh knizhek. Seriya: Biblioteka “Ogonek”. № 16* [Wooden plant. From notebooks. Ogonyok Library Series. No. 16]. Moscow: Pravda.
22. Platonov, A. (2011) Schastlivaya Moskva [Happy Moscow]. In: Kornienko, N.N. (ed.) *Sobr. soch.* [Collected works]. Vol. 4. Moscow: Vremya. pp. 9–110.
23. Platonov, A.P. (1984) Dzhan [Jan]. In: Chalmayev, V.A. (ed.) *Sobr. soch.: v 3 t.* [Collected works: in 3 volumes]. Vol. 2. Moscow: Sov. Rossiya. pp. 7–115.
24. Platonov, A.P. (1984) Fro. In: Chalmayev, V.A. (ed.) *Sobr. soch.: v 3 t.* [Collected works: in 3 volumes]. Vol. 2. Moscow: Sov. Rossiya. pp. 128–148.
25. Kollontai, A. (1919) *Novaya moral' i rabochiy klass* [New morality and the working class]. Moscow: Izd-vo Vserossiyskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta Sovetov R., K. i K. Deputatov. pp. 36–47.
26. Epshteyn, M. & Shevelev, I. (2015) Korpus X. Eroticheskaya utopiya Stepana Kalachova [Corpus X. The erotic utopia of Stepan Kalachov]. *Zvezda*. 7. pp. 227–247.
27. Kollontay, A.M. (2014) Dorogu krylatomu erosu! (Pis'mo k trudyashcheysya molodezhi) [Make way for winged eros: A letter to the working youth]. In: Zetkin, K. & Kollontai, A. *Chego khotyat zhenschiny?* [What do women desire?]. Moscow: Algoritm. pp. 115–130. [Online] Available from: https://www.litres.ru/aleksandra-kollontay/chego-hotyat-zhenschiny/?track=from_all_books_my (Accessed: 13.06.20).
28. Kalachov, S. (2015) Iz ugla v ugol [From corner to corner]. *Zvezda*. 7. pp. 230–232.
29. Kalachov, S. (2015) Na Paskhu [At Easter]. *Zvezda*. 7. p. 233.
30. Kalachov, S. (2015) Lyubov' i elektrichestvo [Love and electricity]. *Zvezda*. 7. pp. 233–234.
31. Kalachov, S. (2015) Lyubov' i vremya. Iz dnevnikov i zametok 1920–1930 gg. [Love and time. From the diaries and notes of the 1920s–1930s]. *Zvezda*. 7. pp. 236–240.
32. Kalachov, S. (2015) Raskulachennoe devstvo [Deloved virginity]. *Zvezda*. 7. p. 236.
33. Matich, O. (2008) *Eroticheskaya utopiya: Novoe religioznoe soznanie i fin de siècle v Rossii* [Erotic Utopia: The Decadent Imagination in Russia's Fin de Siècle]. Translated from English by E. Ostrovskaya. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
34. Kalachov, S. (2015) Zhiznemudrie. Iz zametok 1950–1960-kh gg. [Wisdom of Life. From notes of the 1950s–1960s]. *Zvezda*. 7. pp. 240–243.
35. Dugin, A.G. (1999) Magicheskiy bol'shevizm Andrey Platonova [Magic Bolshevism of Andrei Platonov]. *Russkaya Veshch'.* [Online] Available from: <http://arcto.ru/article/214> (Accessed: 29.06.2020).

Received: 02 June 2021